

ЭТНОГРАФИЯ

ОРИГИНАЛЬНАЯ СТАТЬЯ

УДК 391(=512.141)

doi: 10.26907/2541-7738.2024.4.192-203

ОДЕЖДА КАК СОСТАВЛЯЮЩАЯ ЧАСТЬ КАЛЫМА БАШКИР

А.Р. Махмудов

*Институт этнологических исследований им. Р.Г. Кузеева Уфимского федерального
исследовательского центра Российской академии наук, г. Уфа, 450077, Россия
Мемориальный дом-музей М. Гафури – филиал Национального литературного музея
Республики Башкортостан, г. Уфа, 450078, Россия*

Аннотация

Статья посвящена исследованию института калыма как выкупа невесты у башкир в XVIII–XIX вв. На основе изучения материалов Национального архива Республики Башкортостан (фонд И-295 «Оренбургское магометанское духовное собрание») и опубликованных источников впервые выявлены различия в составе калыма в зависимости от локальных особенностей, хозяйственно-культурных типов и социально-экономического положения башкир. В большей степени указанные различия отразились на содержании «малого калыма», включающего летнюю и зимнюю одежду со всеми украшениями, головные уборы и монетно-коралловые нагрудники. Анализ архивных источников и литературы позволил расширить информационную базу в части определения специфики одежды и украшений, входящих в состав калыма.

Ключевые слова: калым, башкиры, семья, брак, одежда, украшения

Среди башкир, как и среди других тюркских народов, в XVIII–XIX вв. было распространено заключение брака через уплату калыма – выкупа за невесту. Поскольку обычаи института калыма господствовали в традиционном обществе и поддерживались исламской религией, то их трудно было искоренить. Калым включал домашний скот, деньги, предметы быта, постельные принадлежности, элементы одежды, головные уборы и украшения. Размеры, состав и сроки выплаты калыма зависели от местных традиций, а также социального положения молодых людей, вступающих в брачные отношения, в первую очередь от благосостояния семьи жениха и запросов родителей невесты. Для беднейших слоев населения калым сводился к минимуму обязательных подарков, часто он имел лишь символическую форму. Значение калыма заключалось в том, что его выплата (хотя бы половины его размера) являлась важным моментом начала семейно-брачных отношений. Кроме того, часть калыма обычно возвращалась обратно в качестве приданого невесты, тем самым формируя материально-имущественную основу нарождавшейся семьи.

Актуальность работы обусловлена большим интересом широкой общественности к этнической истории и культуре, возрождению многих этнокультурных традиций, особенно связанных со свадебной обрядностью. Значимость исследования состоит в том, что на основе анализа архивных материалов и опубликованной историко-этнографической литературы проведено специальное изучение института калыма, который включал в себя две части: денежную и материальную (вещи, скот, земля). Выявлены документальные материалы, содержащие ценные сведения о составе и размерах калыма в части одежды и украшений у разных групп башкир. Непосредственно у полукочевых башкир калым состоял в основном из продуктов скотоводства. Для состава калыма земледельческих районов проживания башкир характерно сравнительно большое количество покупных тканей, которые шли на изготовление одежды.

Традиционные брачные обычаи башкир, условия калыма, его состав и сроки выплаты описаны в трудах исследователей XVIII–XIX вв. В работе И.И. Лепехина подробно охарактеризованы свадебные обряды башкир, в которых строго соблюдались традиционные обычаи и основы исламских канонов. Так, родители договаривались о составе калыма, до полной уплаты которого невеста оставалась в доме родителей. Названы размеры калыма в 200 руб., «на который невестин отец закупает своей дочери все нужное платье» [1, с. 168]. Информацию о размере калыма дает и другой исследователь башкир – И.Г. Георги. По его сведениям, в конце XVIII в. калым составлял от 15 до 200 голов скота, «причем лошади, рогатый скот и овцы почти по равному даются числу» [2, с. 106]. В источнике XIX в. говорится, что выкуп за невесту состоял из лошадей, крупного и мелкого рогатого скота (от 5 до 20 голов), ситцевого занавеса, трех рубашек, пары сапог, *кашмау*, платка и халата. Н.С. Попов для башкир Осинского и Пермского уездов Пермской губернии в начале XIX в. указывает размер калыма от 100 до 400 руб. и более [3, с. 23].

В своем очерке «К этнографии башкир» башкирский ученый и краевед Б.М. Юлуев описывает размер и состав калыма в Бурзянской волости Орского уезда Оренбургской губернии. По его материалам, калым составлялся из следующего имущества: лошадей, рогатого и мелкого скота (от 5 до 20 голов), трех рубашек, ситцевого занавеса, пары сапог, платка, *кажбау* (женского головного убора, шитого кораллами, с серебряными монетами, с опускающимся сзади длинным «хвостом»), халата *зиян* из черной китайки, обшитого по краям подола, фалдов и рукавов красным сукном и галуном. Все это шло в пользу невесты, кроме лошадей, из которых одна доставалась отцу девушки, а одна закалывалась на свадьбе. Кроме того, матери невесты отец жениха должен был подарить лисью шубу (*ина тун*) [4, с. 216–217].

Шиле в работе «Башкиры. Этнографический очерк» писал, что «ценность выкупа определяется обыкновенно состоянием жениха и заключается у самых бедных в возе дров или сена, а у самых богатых ценность калыма достигает иногда до 3 000 руб.» [5, с. 15]. По всей видимости, в первом случае имеется в виду отработка калыма в течение нескольких лет бедным женихом, который не имел материальных средств для выкупа, в хозяйстве отца невесты.

Детальное описание величины и разновидностей калыма находим в работе известного российского этнографа С.И. Руденко, который классифицирует ло-

кальные различия в составе калыма по географическим областям проживания башкир. У зауральских башкир калым состоял из лошадей, крупного рогатого и мелкого скота, двух–трех рубях, занавеси (*шаршау*), пары сапог, платка (у богатых – женского кораллового головного убора *кашмау*), халата (*елән*) из черной китайки, обшитого красным сукном и галуном, или просто суконного, или кармазинного. Ученый также отмечает, что одну лошадь получал отец девушки, а другая закалывалась на свадьбе, а матери невесты жених дарил лисью шубу (*инә туны*) [6, с. 217].

У северо-восточных башкир средней зажиточности калым состоял из 50–150 руб. денег, одной лошади, кобылы с жеребенком, двух коров с телятком, двух–трех овец и разных материй рублей на 15–20. При сильно колеблющейся величине калыма размер его был не меньше известной нормы, обусловленной обязательными со стороны жениха подарками: лошадь (*баи аты*) тестю, лисьей шубой (*инә туны*) теще, 10–15 руб. на расходы (*тартыу аксаһы*), лошадь, реже корову или барана, на зарез в день свадьбы (*туйлык*), материал на платье невесте и деньги на ее обеспечение (*мәһәр*). Теще не всегда дарилась лисья шуба, иногда это могли быть овечья шуба или даже простой халат. Местами этот подарок носил особое название *һөт хаҡы*, то есть «плата за молоко». За исключением обязательных подарков, весь калым отдавался отцу невесты, который взамен давал в приданое скот, деньги и прочее, нередко в большем размере, чем составлял калым. Кроме указанного приданого, собственницей которого считалась молодая, она получала от жениха так называемый «малый калым» – шаль, платок, халат, рубаху, сапоги и сундук [6, с. 217–218].

По данным известного исследователя и педагога Ш.Х. Сюнчелея, обе семьи обсуждали состав калыма, а именно: количество и виды калымного и свадебного скота (*калын малы и туй малы*), одежду для невесты (сколько и какой стоимости; *ягалы кием*), денежную часть калыма (*мәһәр*) (НА УФИЦ РАН, л. 49–51). Особенностью брака у башкир в период позднего средневековья стало то, что в качестве приданого и калыма иногда фигурировала и земля [7, с. 84].

Наиболее ценным и важным источником по изучению состава калыма исследуемого периода можно считать выявленные в Национальном архиве Республики Башкортостан дела Оренбургского магометанского духовного собрания (ОМДС). Они содержат сведения по семейно-бытовым вопросам, имущественным спорам, в том числе связанным с неуплатой калыма. В указанных материалах приведена информация о брачующихся и родственниках с каждой стороны, а также о месте их проживания. Особо отмечаются калымные деньги, которые записывались муллой в метрические книги. Согласно этим документам, в XIX в. калым в денежном выражении исчислялся суммой от нескольких сотен до 1 500–1 700 руб. в зависимости от социального и материального положения семьи. По данным архивным источникам можно проследить не только денежную величину калыма, но и материальную составляющую, которая играла немаловажную роль в имуществе будущей жены.

Приведем примеры. Так, 8 января 1825 г. Васлора Хамитова, выйдя замуж за Мухаметрахима Кулмаметова, который заплатил в качестве калыма 500 руб., также получила от мужа семь целковых, вышитый с позументом платок

на 25 руб., сундук на 5 руб., перину с подушками на 30 руб., а из домашнего скота красную корову на 25 руб., одну лошадь (мерина бурого) на 25 руб. – всего на сумму 140 руб. (НА РБ1, д. 171, л. 22 об.). Другой пример величины калыма можно найти в материалах дела башкира Имангулова из д. Карлышановой Стерлитамакского уезда Оренбургской губернии от 23 февраля 1826 г. Он выкупил свою жену за калым в 400 руб., который был выплачен сполна. В состав калыма входили кобыла сивая с жеребенком на 70 руб., вторая кобыла на 80 руб., жеребец бурой окраски на 90 руб., две коровы – одна красная, другая бурая с пятнами – на 70 руб., три овцы белые на 15 руб.; из одежды – белый суконный чекмень на 10 руб., одна пара сапог на 4 руб., 22 аршина белого сукна на 11 руб., два пуда меда на 40 руб., одна чашка и кувшин деревянный на 1 руб. 50 коп., деньгами серебром 1 целковый в 3 руб. 60 коп. (НА РБ1, д. 193, л. 1–1 об.).

Уклонение от уплаты калыма после вступления в брак было распространенным явлением. Так, башкир Чирувов Габдуннасыр из д. Якуповой Оренбургского уезда той же губернии жаловался ОМДС на неуплату калыма зятем. В прошении указывалось: «...в прошлом 1830 г. родную свою дочь Бибизигифу выдал я в замужество Динмузамета Карагузина с платой калыма 700 руб. и 5 голов лошадей. Однако зять отдал в счет калыма лишь зеленого сукна кафтан и один ковер, им цена 100 руб., а остальные не заплатил» (НА РБ1, д. 1365, л. 1–1 об.).

Аналогичную жалобу на неуплату калыма мужем подала 23 октября 1839 г. башкирка Аитова Хусниземал из д. Чиганчиной Бугурасланского уезда Оренбургской губернии. В материалах дела имелся список вещей и скота, которые не хотел отдавать просительнице Х. Аитовой в уплату калыма ее муж. Данный список включал: одну лошадь (мерина) – на 30 руб., пять овец – на 20 руб., десять коз – на 40 руб., постельное одеяло – на 4 руб., белую кошму – на 6 руб., большую перьевую подушку – на 5 руб., перину – на 10 руб., три перьевые подушки – на 4 руб., а также 14 разношерстных овец – на 48 руб.; всего – на сумму 167 руб. (НА РБ1, д. 1560, л. 2–2 об.).

В материалах за 1830 г. по делу тептяря А. Муртазина из д. Лаклиной Уфимского уезда Оренбургской губернии приводится стоимость калыма дочери Гульсултан Абдулнасыровой, который не заплатил жених Ильгигул Абдулкаримов. Размер калыма составлял 800 руб., но жених отдал лишь 400 руб. «Вдобавок к этому разными вещами всего 250 руб., а именно зилень зеленой китайчитой в 80 руб., перину и подушку в 15 руб., рубаху кумачевой в 5 руб., серебрянный перстень в 3 руб., деньгами два целковых, одну ситцевую рубаху в 5 руб., по одной паре ичигов и башмаков в 5 руб., конец китайки в 3 руб., пару шитых платков в 8 руб., одну пару шалевых платков в 8 руб., одну пару бумажных платков в 3 руб., один сундук в 3 руб., еще денег 10 руб., полфунта красной бумаги в 2 руб., один конец кумачу» (НА РБ1, д. 686, л. 11–11 об.).

Нередки были случаи, когда отец невесты отказывался отдавать замуж свою дочь до полной уплаты калымных денег. Заметим, что по традиции отец был важной персоной в создании будущих брачных отношений своих детей. Именно он подбирал невесту для сына и жениха для дочери, определял размеры калыма и приданого, а в дальнейшем непосредственно вмешивался в семейную жизнь сына и невестки. Например, башкир Иркибай Кутгильдин из д. Ахмерово Стер-

литамицкого уезда Оренбургской губернии жаловался на неуплату за его дочь калыма зятем. По условиям от 20 октября 1855 г. калым должен был составлять 800 руб. ассигнациями. Зять же заплатил деньгами 20 руб. серебром, отдал лошадей на сумму 100 руб. ассигнациями, а также кафтан красного сукна, два тулупа овчинных, покрытых черной китайкой, на 100 руб., 7½ пуда меда на 75 руб., мелкого серебра 10 руб. Так и не получив калым сполна, И. Кутгильдин решил не отдавать за него свою дочь (НА РБ1, д. 3878, л. 5–6 об.).

По установлениям шариата в некоторых случаях был возможен развод. У башкир практиковались главным образом *талак* (развод по воле мужа) и *хлюг* (уход жены). Муж мог развестись с женой в любое время по своему усмотрению, ему было достаточно в присутствии свидетелей и муллы трижды произнести слово «талак», и мулла записывал акт о разводе в метрическую книгу. Однако при расторжении брака по инициативе мужа он терял право требовать возвращения калыма обратно. При разводе по инициативе жены она возвращала часть калыма мужу. Причиной для развода со стороны жены могли быть невыплата калыма мужем, необеспечение продуктами питания, одеждой, жестокое обращение с ней. По документам инициаторами разводов часто становились женщины. К примеру, в 1866 г. в Уфимской губернии было зарегистрировано 1313 случаев развода по хлюгу и всего 268 случаев по талаку [8, с. 36].

Подобное явление объяснялось тем, что при талаке мужчины не всегда могли вернуть себе калым. И, поняв всю материальную невыгодность, мужья чаще вынуждали подавать на развод своих жен, в результате чего они получали вознаграждение. Так, башкирка Махбубзямал Нугуманова из д. Яппарово Белебеевского уезда Оренбургской губернии развелась с мужем Балгазием Аблаевым. За это она уступила недоплаченный калым, а также отдала мужу кафтан на 80 руб., кармазина на 50 руб., перины с подушкой на 30 руб., половину книги Корана на 6 руб., покрывала, рубахи, холсты в 10 аршин на 10 руб., двух овец на 10 руб., жеребца на 20 руб., козу на 3 с половиной руб. – всего на 209 руб. [9, с. 71].

Основанием для развода могли послужить также имущественные разногласия. Например, в 1844 г. жительница д. Бардаклуч Осинского уезда Пермской губернии Гульбиназа Азимбаева развелась со своим мужем Салихом Аминевым. Согласно обычаям шариата, по хлюгу она отдала за развод мужу кумачовую рубаху, шелковый камзол, камзол китайчатый, бумажный платок, белую рубашку с портами и полотенце (НА РБ2, д. 1476, л. 11–12).

Следующее дело такого плана – жених, передумав, вскоре женится на другой и все подаренные первой жене вещи отдает новой жене. Заметим, что основанием для спора со стороны первой жены стал довольно роскошный калым за невесту Мадину Аджиеву, дочь юртового татарина Аджи Магомеда Токузбаева из г. Астрахани. В июле 1834 г. в счет калыма женихом Рахматуллой Ибадуллаевым были подарены «разных вещей и денег 250 руб., красный шелковый платок в 30 руб., два перстня – один бриллиантовый в 350 руб., другой простой вызолоченный в 2 руб., бобровая шапка в 12 руб., канаватная рубаха в 12 руб., еще деньгами 114 руб., шесть пудов пшенного зерна за 4 руб. 50 коп. за пуд, шесть баранов по 6 руб. Отданы были: жемчужная шапка, стоящая 630 руб., большой палас в 450 руб., шесть подушек, в коих пуху два пуда, на 200 руб., пять жен-

ских платьев, коих хотя и обещался дать, отдал только одни верхи, всей должно быть на 26 руб., тоже обещался один пуд меда, но отдал только 10 фунтов. А 30 фунтов чая каждый по 80 коп. на 24 руб. не отдал, медное блюдо 2 руб., еще обещался денег на закуску старикам на 50 руб., но иных тоже не отдал» (НА РБ1, д. 1302, л. 1–1об.).

Судя по архивным материалам, в состав калыма включали продукты питания, которыми угощали гостей. Так, Мухаметьяр Кабылов в феврале 1832 г. израсходовал «при венчании на чай, сахар, вино, мед, мясо и прочее 36 руб. 60 коп.». Денежный калым за невесту составлял 800 руб., из которых жених заплатил 524 руб. 40 коп.: «...государственными ассигнациями на 100 руб., серебряных старинных целковых 5 руб., полагая каждой в 5 руб., мелким серебром на 4 руб.». А дальше следует перечисление стоимости верхней одежды и украшений: «...марьяну один фунт в 70 руб., полушелковый полосатой халат в 20 руб., лошадку мерина в 50 руб., кобылу в 70 руб., два окованных сундука 15 руб., китайки 4 конца 20 руб., занавес в 10 руб., круглой полог в 10 руб., китайчатой халат в 15 рублей, ситцу 7 аршин по 80 коп. каждой, на 5 руб. 60 коп., один конец выбойки в 6 руб., разноцветная тканая скатерть в 8 руб., тонкой пряжи на 13 руб., тонкого холста 4 аршина 1 руб. 20 коп., большая перьяная подушка в 5 руб., стяжное бумажное одеяло в 20 руб., женские ситцевые рубашки в 10 руб. и три платка бумажных в 10 руб.». Такие большие затраты по уплате калыма, по свидетельству самого жениха, довели его «до крайнего разорения» (НА РБ1, д. 1059, л. 2–2 об.).

Для того чтобы не выплачивать вторую часть калыма, жених мог похитить будущую невесту. Например, тептярь Гадылша Амиров из д. Еманзелги Красноуфимского уезда Пермской губернии в своем прошении указывал, что 10 апреля 1822 г. выдал свою дочь Амирову Латифу с условием получения калыма в 1 200 руб. деньгами. Также зять Ардашир Баширов должен был помимо данной суммы отдать в счет вещи: «...одну шубу, крытую китайкою, три конца кумачу, пять пудов меду, один фунт чаю и одну лошадь, да еще в число калымных денег для невесты таковую крытую шубу и один зилень позументами, 33 руб., пуху один пуд, четыре конца китайки, три пары платков, ситцу и 3 женских рубах, серебром 2 целковых, один сундук без замка, одну бухарскую занавеску, деньгами двести рублей». Однако последний, не уплатив сполна калым, самовольно увел Амирову Латифу к себе домой, причем забрал еще и сундук, в котором хранились «китайки ситцу пять аршин, две женские рубашки, две пары шелковых платков, одна мужская рубаха с портами, перчатки, один денежной мешок, перину с подушкой, занавеску и один башмак». После разбирательств Г. Амирову удалось забрать свою дочь обратно (НА РБ1, д. 156, л. 48–48 об.).

Другой пример кражи невесты женихом описан в деле башкирки Бердыгуловой Мурғизары из д. Тавакачево Стерлитамакского уезда Оренбургской губернии. В 1822 г. она была просватана за башкира Яньюрдашева Мифтахитдина с условием калыма в 550 руб. Однако жених, приняв данное условие, больше в дом к невесте не возвращался. И по прошествии двух лет, когда она гостила у своего дяди в деревне Сарт, он, как пишет в своем прошении М. Бердыгулова, ее «тихим образом... из дому дяди... увез к себе в дом». Там он отдал в счет калы-

ма «две перины и подушку перовые, один зилень китайчитой, шелковой кушак, бумажной платок, половину черной кожи, белую кошму и башкирский с марье-ном и мелким серебром нагрудник, стоящие всего 142 руб. 50 коп.». Не прожив с ней и 15 дней, после болезни невесты жених отвозит ее обратно в дом родителей, оставив у себя выданный ей калым. По свидетельству М. Бердыгуловой, на момент написания прошения он уже больше пяти лет к ней не ездит, так как высватал себе другую (НА РБ1, д. 389, л. 1–1 об., 8).

Схожее прошение от 5 ноября 1833 г. было направлено башкиром Якшембетом Каранаевым из д. Узунларовой Стерлитамакского уезда Оренбургской губернии гражданскому губернатору Н.В. Жуковскому. В документе говорилось, что в феврале 1833 г. его дочь Джавиля Якшимбетова была просватана за урядника Шемсутдина Джумбаева из д. Ячи Верхнеуральского уезда. Общий калым за невесту составил 800 руб., из которых было выдано деньгами 200 руб. Однако в октябре того же года его дочь во время поиска скотины была похищена сыном указного муллы Ягулдина Загидуллы Абдулнасыровым. Подробно описывается одежда дочери, которая включала «халат черной китайки с обшивкой золотым позументом в 50 руб., другой такой же с обшивкой в 15 руб. Также нагрудник, убранный моржаном, мелкими серебряными деньгами и прочим в 120 руб., также навеска, тоже убранная серебром и моржаном (моретен) в 30 руб., пояс шелковый в 12 руб.; рубаха и порты кумашные в 12 руб., а всего на сумму в 239 руб.». Тем самым Якшембет Каранаев жаловался, что потерял условленный калым от урядника Джумбаева и свои вещи – хорошую одежду, которая была при дочери [10, с. 213].

Обычно брачным возрастом для девушек считались 14–15 лет, для юношей – 16–17 лет. Но нередко были случаи женитьбы на малолетних. Так, по рапорту ахуна Габдулкавы Яушева из д. Кундрякбашевой Стерлитамакского уезда Оренбургской губернии от 30 июля 1855 г. было рассмотрено одно из таких дел. Дочь имама Галям Хузина жаловалась, что ее отец, имам Девлет Хузин, без ее согласия выдал ее замуж за малолетнего башкира Шарафутдина Мухаметвалиева, которому было от роду только 15 лет. По свидетельству жены Галям Хузиной, с которой они прожили четыре года, муж полностью «отобрал ее имущество, производил над ней ругательства, называя блудницей, и причинил ей жестокие побои, до беспамятства, с отобранием от нее кашбова и прочей одежды ночью бросил ее на пашню деревни». В итоге брак был расторгнут по причине малолетства супруга (НА РБ1, д. 3882, л. 20–22 об.).

По мнению Оренбургского генерал-губернатора В.А. Перовского, «костюмы башкир не везде одинаковы, но во многом разнятся по различным местам от жительства» [10, с. 470]. То же можно сказать про состав и размер калыма в части народной одежды. В юго-западной и отчасти юго-восточной частях Башкирии в состав калыма включали женские головные уборы *кашмау* и *каляпуш*. Они определяли статус замужней женщины, состояли из шлемообразной шапочки из кораллов с длинной лопастью сзади, покрывающей волосы. Еще в конце XVIII в. И.И. Лепехин так описывает головной убор замужней женщины: «...она на голове сверх своей кашпау привязывает согнутой лисий или другой малахай» [1, с. 172]. Однако уже в конце XIX – начале XX в. подобные уборы

встречались довольно редко, так как произошло обнищание большей части башкир (вследствие русской колонизации, политики закрепления башкир за землями, резкого сокращения количества скота) и такие дорогие вещи были доступны далеко не всем женщинам.

Наиболее массовым головным убором в составе калыма были платки (*кушъяулык*) хлопчатобумажные, шелковые, а также шалевые. В локальной зоне юго-восточных и юго-западных башкир был широко распространен в составе калыма халат (*зилен*), обычно богато украшенный позументом, вышивкой, монетами и подвесками, который был обязательной частью костюма невесты. Достаточно часто в составе калыма встречаются украшения: перстни, браслеты (*блязык*), серьги, косники с подвесками, а также нагрудники, отличающиеся в разных районах (у зауральских башкир – *яга*, у юго-западных башкир – *сакал*, у юго-восточных – *сельтяр*, у северо-восточных – *муйынса*, у северо-западных – *хэситэ*). Из традиционной обуви в состав калыма входили башмаки, ичиги, кожаные галоши (*ката*), сапоги; практически всегда имелись постельные принадлежности (перина) и подушки. У северо-западных башкир и в смежных районах наряд невесты особо не отличался от праздничного одевания взрослых девушек и молодых женщин, разве что был ярче и добротнее [11, с. 64].

С калымным браком непосредственно связаны *левират* и *сорорат*. Обычай левирата (брак с вдовой умершего брата) и сорората (брак с сестрой умершей жены) были обусловлены главным образом экономическими причинами. В случае ухода из семьи вдова уносила с собой приданое. Чтобы этого не допустить, один из братьев умершего женился на ней. Кроме того, левират был не лишен гуманного смысла: это давало вдове возможность воспитывать своих детей в полноценной семье. По данным А.З. Асфандиярова, левират практиковался довольно часто и был более распространенным явлением, чем сорорат [9, с. 88]. Во втором случае вдовец обычно брал в жены младшую сестру умершей (*балдыз*). По мнению Н.В. Бикбулатова, левират у башкир имел свою особенность: на вдове мог жениться не только брат умершего мужа, но и племянник, что находится в полном соответствии с системой родства башкир [11, с. 140–141].

Д.К. Зеленин отмечал, что если вдова предпочитала выходить замуж за чужого, то родственники первого мужа имели право взыскать с нового мужа вдовы «полный калым», то есть тот, который был уплачен за нее ее покойным мужем. Дело в том, что вдова, не наследуя вообще имущества своего мужа, наследовала, однако, все то, что она принесла в его дом в качестве приданого от отца (свою одежду, а также скот, особенно кобыл). Именно это имущество вдовы, если его было немало, и являлось обычно главной притягательной силой для кандидатов-женихов, что отмечали сами башкиры [12, с. 81–82]. Женитьба на вдове умершего брата избавляла также от необходимости выплачивать калым за другую женщину.

Как показано выше, отдельные вещи, в том числе одежда и украшения, из части калыма становились частью приданого, при этом в описаниях определялась стоимость каждого предмета. Также у башкир практиковался обмен подарков на деньги. В свадебной обрядности юго-восточных башкир специфичным является обычай «продажи» подарков. Как пишет Б.М. Юлуев, «мать невесты привозит

небольшой сундучок, наполненный предметами рукоделия ее дочери». Это могли быть налобные повязки *хараус*, вышитые кисеты *янсык*, матерчатые нагрудные повязки, лоскутки тканей, нитки и т. д. Деньги, вырученные от продажи подарков, полностью доставались невесте [4, с. 219]. Кроме того, после выплаты назначенного калыма совершалось прощание невесты с деревней и ее проводы в дом жениха, что было описано Д.К. Зелениным и другими авторами. Заходя в каждый дом, невеста дарила по порядку каждому домохозяину полотенце или скатерть; хозяин же дарил ей за это серебряную монету – рубль или полтинник. Собранные таким образом деньги составляли собственность невесты, крепились большею частью на нагрудник и использовались ею по мере необходимости, в том числе на приобретение новых вещей [12, с. 86].

Таким образом, специфической особенностью семейно-брачных отношений у башкир, как и у ряда других народов, был калым, который имел форму выкупа за невесту. Брак здесь носил характер торговой сделки и заключался по воле родителей. Причем калым определял не только материальное благополучие невесты, но и главным образом был источником экономического достатка для отца девушки, так как часть калыма отдавалась отцу невесты, другая половина возвращалась обычно в качестве приданого новобрачной. В состав калыма в основном входили скот, денежные средства, разные вещи, одежда и украшения, хозяйственные предметы, а также продукты.

Одежда в составе калыма в разные времена и у разных локальных территориальных групп башкир занимала важное место. Народная одежда, характеризующая «малый калым», представляла собой традиционные праздничные и свадебные наряды и аксессуары невесты. Одежда и украшения различались по ареалам территориального расселения башкир, а также могли быть схожими с элементами костюмных комплектов соседних народов, в том числе татар. Калым включал головные уборы и покрывала, нагрудные украшения из кораллов и монет, камзолы, тканевые халаты, шубы и тулупы, различные шерстяные, шелковые платки, а также кожаную обувь. Со временем одежда в составе калыма постепенно начинала включать импортные, покупные изделия, среднеазиатские и китайские ткани. Дорогие ювелирные украшения служили маркером состоятельности и социального положения брачующихся сторон. В процессе проведения семейных обрядов происходил обмен подарками, предметы калыма становились приданым невесты. Заимствование элементов одежды брачующихся сторон, в том числе представителей разных родов и племен, способствовало формированию общего пласта культуры.

Благодарности. Статья подготовлена в рамках Государственного задания ИЭИ УФИЦ РАН № 122041900118-5.

Конфликт интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Источники

НА РБ1 – Национальный архив Республики Башкортостан. Ф. И-295: Оренбургское магометанское духовное собрание. Оп. 3. Д. 171. 24 л.; Д. 193. 11 л.; Д. 1365. 16 л.; Д. 1560. 8 л.; Д. 686. 14 л.; Д. 3878. 11 л.; Д. 1302. 7 л.; Д. 1059. 8 л.; Д. 156. 87 л.; Д. 389. 12 л.; Д. 3882. 24 л.

НА РБ2 – Национальный архив Республики Башкортостан. Ф. И-295: Оренбургское магOMETанское духовное собрание. Оп. 4. Д. 1476. 15 л.

НА УФИЦ РАН – *Сюнчелей Ш.Х.* Этнографические материалы о башкирах. 1947 г. // Научный архив Уфимского федерального исследовательского центра Российской академии наук. Ф. 3. Оп. 2. Д. 174. 105 с.

Литература

1. Полное собрание ученых путешествий по России, издаваемое Имп. Академиею наук, по предложению ее президента: в 7 т. СПб.: Имп. Акад. наук, 1822. Т. 4: Продолжение записок путешествия Академика Лепехина. Ч. 3. Путешествие от Табынска до Екатеринбурга. 436 с.
2. *Георги И.Г.* Описание всех обитающих в Российском государстве народов: их житейских обрядов, обыкновений, одежд, жилищ, упражнений, забав, вероисповеданий и других достопамятностей: в 4 ч. СПб.: Имп. Акад. наук, 1799. Ч. 2. О народах татарского племени и других не решенного еще происхождения северных сибирских. 178 с.
3. *Попов Н.С.* Хозяйственное описание Пермской губернии по гражданскому и естественному ее состоянию в отношении к земледелию, многочисленным рудным заводам, промышленности и домоводству, сочиненное по начертанию Императорского Вольного Экономического Общества: в 3 ч. СПб.: Имп. тип., 1813. Ч. 3. 355 с.
4. *Юлуев Б.М.* К этнографии башкир: свадебные обряды в Орском уезде Оренбургской губернии // Этнографическое обозрение. 1892. № 2-3. С. 216–223.
5. *Шиле.* Башкиры. Этнографический очерк // Природа и люди. 1879. Март. С. 1–16.
6. *Руденко С.И.* Башкиры: Историко-этнографические очерки. Уфа: Китап, 2006. 376 с.
7. *Исянгулов Ш.Н.* Семья и брак у башкир в период средневековья. Уфа: Мир печати, 2018. 162 с.
8. *Галиева Ф.Г.* Семейные обряды и обычаи башкир в поликультурном пространстве. Уфа: Китап, 2020. 296 с.
9. *Асфандияров А.З.* Башкирская семья в прошлом: XVIII – первая половина XIX в. Уфа: Китап, 1997. 99 с.
10. Документы и материалы по истории башкирского народа (1790–1912) / Редкол.: А.З. Асфандияров, Р.Н. Рахимов, Ф.Г. Хисамитдинова. Уфа: ИИЯЛ, 2012. 544 с.
11. *Бикбулатов Н.В., Фатыхова Ф.Ф.* Семейный быт башкир, XIX–XX вв. М.: Наука, 1991. 189 с.
12. *Зеленин Д.К.* О левирате и некоторых других обычаях башкир Екатеринбургского уезда // Этнограф. обозрение. 1908. № 3. С. 79–87.

Поступила в редакцию 15.03.2024

Принята к публикации 15.05.2024

Махмудов Альберт Рафилевич, аспирант отдела этнографии¹; научный сотрудник²

¹ Институт этнологических исследований им. Р.Г. Кузеева Уфимского федерального исследовательского центра Российской академии наук
ул. К. Маркса, д. 6, г. Уфа, 450077, Россия

² Мемориальный Дом-музей М. Гафури – филиал Национального литературного музея Республики Башкортостан

ул. Гоголя, д. 28/1, г. Уфа, 450077, Россия

E-mail: alic3842@yandex.ru

ORIGINAL ARTICLE

doi: 10.26907/2541-7738.2024.4.192-203

Clothing as an Integral Part of the Bashkir Kalym*A.R. Makhmudov**R.G. Kuzeev Institute for Ethnological Studies, Ufa Federal Research Center,
Russian Academy of Sciences, Ufa, 450077 Russia**M. Gafuri Memorial House – Branch of the National Literary Museum
of the Republic of Bashkortostan, Ufa, 450078 Russia*E-mail: *alic3842@yandex.ru*

Received March 15, 2024; Accepted May 15, 2024

Abstract

This article examines the Bashkir institution of kalym (bride price) in the 18th–19th centuries. Using the materials from the National Archive of the Republic of Bashkortostan (fund I-295 “Orenburg Mohammedan spiritual assembly”) and published sources, differences in the composition of kalym are identified depending on the local distinctions among the Bashkirs, as well as their economic and cultural types and socio-economic status. These differences were most apparent in the so-called “smaller” kalym, which consisted of summer and winter clothing with jewelry, headwear, and coin-coral pectoral ornaments. The results of the literature and archival analysis yield a deeper understanding of the specifics of clothing and jewelry included in kalym. A pivotal role of the institution of kalym and dowry in the life of the Bashkirs is shown. The garments in the Bashkir kalym had both practical and symbolic functions — they regulated property rights and indicated the material well-being of a young family. Varying from one to another Bashkir settlement, they also shared similarities with the costumes of neighboring peoples, such as the Tatars. The exchange of clothing garments between the marrying parties, including members of different Bashkir clans and tribes, ended up in the formation of a unique cultural layer.

Keywords: kalym, Bashkirs, family, marriage, clothes, jewelry

Acknowledgments. This study was performed as part of state assignment no. 122041900118-5 to the R.G. Kuzeev Institute for Ethnological Studies, Ufa Federal Research Center, Russian Academy of Sciences.

Conflicts of Interest. The author declares no conflicts of interest.

References

1. *Polnoe sobranie uchenykh putesthestvii po Rossii, izdavaemoe Imp. Akademiei Nauk, po predlozheniyu ee prezidenta* [The Complete Collection of Scientific Travels in Russia Published by the Imperial Academy of Sciences, at the Request of Its President]. Vol. 4: A continuation of Academician Lepekhin's travel notes. Pt. 3: A journey from Tabynsk to Yekaterinburg. St. Petersburg, Imp. Akad. Nauk, 1822. 436 p. (In Russian)
2. Georgi I.G. *Opisanie vseh obitayushchikh v Rossiiskom gosudarstve narodov: ikh zhiteiskikh obryadov, obyknoveni, odezhd, zhilishch, uprazhnenii, zabav, veroispovedanii i drugikh dostopamyatnostei* [Description of All Peoples Living in the Russian State: Their Everyday Rituals, Customs, Clothes, Dwellings, Occupations, Pastimes, Faiths, and Other Features]. Pt. 2: About the peoples of the Tatar tribe and others of undecided origin in the Northern Siberia. St. Petersburg, Imp. Akad. Nauk, 1799. 178 p. (In Russian)

3. Popov N.S. *Khozyaistvennoe opisanie Permskoi gubernii po grazhdanskomu i estestvennomu ee sostoyaniyu v otnoshenii k zemledeliyu, mnogochislennym rudnym zavodam, promyshlennosti i domovodstvu, sochinennoe po nachertaniyu Imperatorskago Vol'nogo Ekonomicheskogo Obshchestva* [An Economic Description of the Perm Governorate According to Its Civil and Natural State in Relation to Agriculture, Numerous Ore Plants, Industry, and Household Management as Composed by the Free Economic Society for the Encouragement of Agriculture and Husbandry]. Pt. 3. St. Petersburg, Imp. Tip., 1813. 355 p. (In Russian)
4. Yuluev B.M. On the Bashkir ethnography: Wedding traditions in the Orsk district of the Orenburg governorate. *Etnograficheskoe Obozrenie*, 1892, nos. 2–3, pp. 216–223 (In Russian)
5. Shile. Bashkirs. An ethnographic essay. *Priroda i Lyudi*, 1879, Mar., pp. 1–16 (In Russian)
6. Rudenko S.I. *Bashkiry: Istoriko-etnograficheskie ocherki* [Bashkirs: Historical and Ethnographic Essays]. Ufa, Kitap, 2006. 376 p. (In Russian)
7. Isyngulov Sh.N. *Sem'ya i brak u bashkir v period srednevekov'ya*. [Family and Marriage among Bashkirs in the Middle Ages]. Ufa, Mir Pechati, 2018. 162 p. (In Russian)
8. Galieva F.G. *Semeinye obryady i obychai bashkir v polikul'turnom prostranstve* [Family Rituals and Customs of the Bashkirs in a Multicultural Space]. Ufa, Kitap, 2020. 296 p. (In Russian)
9. Asfandiyarov A.Z. *Bashkirsкая sem'ya v proshlom: XVIII – pervaya polovina XIX v.* [Bashkir Family in the Past: From the 18th to the First Half of the 19th Centuries]. Ufa, Kitap, 1997. 99 p. (In Russian)
10. Asfandiyarov A.Z., Rakhimov R.N., Khisamitdinova F.G. (Eds.) *Dokumenty i materialy po istorii bashkirskego naroda: (1790–1912)* [Documents and Materials on the History of the Bashkir People (1790–1912)]. Ufa, IYYaL, 2012. 544 p. (In Russian)
11. Bikbulatov N.V., Fatykhova F.F. *Semeinyi byt bashkir, XIX–XX vv.* [Bashkir Family Life. 19th–20th Centuries]. Moscow, Nauka, 1991. 189 p. (In Russian)
12. Zelenin D.K. About levirate and some other customs of the Bashkirs in the Yekaterinburg district. *Etnograficheskoe Obozrenie*, 1908, no. 3, pp. 79–87. (In Russian)

⟨ **Для цитирования:** Махмудов А.Р. Одежда как составляющая часть калыма башкир // Учен. зап. Казан. ун-та. Сер. Гуманит. науки. 2024. Т. 166, кн. 4. С. 192–203. <https://doi.org/10.26907/2541-7738.2024.4.192-203>. ⟩

⟨ **For citation:** Makhmudov A.R. Clothing as an integral part of the Bashkir kalyam. *Uchenye Zapiski Kazanskogo Universiteta. Seriya Gumanitarnye Nauki*, 2024, vol. 166, no. 4, pp. 192–203. <https://doi.org/10.26907/2541-7738.2024.4.192-203>. (In Russian) ⟩